

18+

ИВАН
ИВАНОВИЧ

СТЕКЛЯННОЕ ВРЕМЯ

ПРОЛОГ

Иван Иван Иванович

Стеклянное время. Пролог

«Издательские решения»

Иван Иванович И. И.

Стеклянное время. Пролог / И. И. Иван Иванович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854035-6

202.. год. Небывалый природный катаклизм грозит сделать непригодной для жизни всю территорию Америки. Единственный шанс спасти не только элиту, но и население США — переселение. Единственная страна, способная принять 300 миллионов человек, — Россия. Информация о грядущей катастрофе держится в строжайшем секрете. Малейшая утечка спровоцирует хаос. Но риски растут с каждым днем. И Президент США решается начать тайные переговоры с Президентом России. Но согласятся ли русские впустить американцев?.. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854035-6

© Иван Иванович И. И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Часть II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Стеклянное время

Пролог

Иван Иванович

Следующему Президенту России посвящается

© Иван Иванович, 2017

ISBN 978-5-4485-4035-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Человек встал из-за стола, подошел к окну и спокойно посмотрел внутрь себя. Ангел, почувствовав завершенность движения души этого человека, оказался рядом с ним. На экране компьютера висел только что законченный текст:

«СМЕРТЬ ШОУ-БИЗНЕСА, РОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА ДЕЙСТВИЯ

Люди устали от лжи, профанации, безысходности. Те, кто создает актуальный культурный продукт, и те, кто его потребляет, блуждают в этих трех соснах или, если угодно, по очереди упираются в одну из этих трех стен: в ложь, профанацию или безысходность.

Но пространство актуального творчества не ограничено тремя этими стенами.

Бытие определяет сознание, скажут нам. Да. Но не в большей степени, чем сознание определяет бытие. Более того, мы – прагматичные и циничные идеалисты, артактисты и капмунисты – полагаем (и даже свято верим), что сознание в куда большей степени определяет бытие, нежели подчиняется ему.

В четвертой стене мы видим окно – и это окно открыто. В четвертой стене мы видим дверь – и эта дверь распахнута. Окно смотрит в будущее, дверь ведет в будущее, и никто не запрещает нам выходить через нее.

Жизнь, которая строит себя на голом расчете, зашла в тупик. Логика без этики затерялась в пространстве вечности. Этика без логики подвисла в пространстве бытия. Нужно, чтобы они вновь обрели единство. Тезис – антитезис – синтез.

Прежде чем это единство вернется в нашу жизнь, оно должно вернуться в наше творчество. В творчестве мы можем найти правду и выход из тупика, если наконец перестанем отворачиваться от него, приплясывая, или просто констатировать его наличие.

В творчестве мы не связаны ничем, кроме обета не призывать к свержению существующего строя. Но мы и не собираемся этого делать. Мы прекрасно понимаем, с какими реалиями имеет дело власть. И мы ценим ту степень свободы и – особенно! – ту степень культурного суверенитета, которую ей удалось сохранить на пространстве нашей страны.

Наша задача – искать и находить реальные выходы из всех проблемных ситуаций в своем творчестве, в поле, где смыслы будут дополнены чувством, где понимание будет жить внутри действия. И уже через это предлагать их обществу и власти. Вот на сегодня единственная реальная миссия культурной страты.

Нам нужно найти и испытать художественной правдой все возможные решения насущных проблем.

Нам – и всем тем, кто сейчас пишет, снимает, ставит, – предстоит найти ответы на все острые вопросы в разрезе вечных.

Насущная задача – предложить аудитории образ нового действия, причем действия, которое возможно в реальности.

И надо успеть раньше, чем жизнь поставит перед нами вечные вопросы со всей неотвратимостью последнего дня».

Ангел увидел, что этот текст неким образом связан с жизнью другого человека на другом конце Земли, перенесся туда и стал наблюдать за развитием этой связи.

Часть I

Джон

– Джон – Президент.

Джон делал глоток виски, смывая с языка вкус сигары, опять затягивался и снова и снова повторял вслух:

– Джон – Президент, – и улыбался. Затягивался и опять повторял: – Джон – Президент, – и улыбался...

Так было сразу после инаугурации, в первый удобный момент, когда Джон смог остаться один на один со своими мыслями.

Президент просыпался рано. По утрам он любил взять газонокосилку и размеренными большими шагами идти за ней – стричь газон. Он любил электрические газонокосилки, потому что они не воняли и были гораздо тише. У него была самая тихая. Он стриг, потом шел на веранду – пить кофе, смотреть на горы и курить. Джон любил курить и не собирался бросать. Так он ходил, пил кофе, курил и думал. Это было его ранчо в предгорье Скалистых гор. Он особо любил два места на земле – ранчо и родовой дом на юге. Но там он давно не был...

Джон был высокий и статный белый мужчина. Костюмы сидели на нем, как вторая кожа. Он являл собой настоящий голливудский стандарт. Когда он стоял, держа вес тела на одной ноге и чуть отставив другую – это был монумент: спереди челюсть, сзади затылок. Он ощущал в себе и нес эту миссию – «бремя белого человека».

Джон проснулся в отличном настроении и в полном душевном покое. Было прекрасное утро. На ранчо он был один – жена с детьми уехали на побережье. Утреннее солнце освещало невероятный, сказочный пейзаж – Скалистые горы. Джон встал, заварил себе большую чашку кофе – он любил много кофе, много сахара, много сливок, – взял сигареты и пошел косить траву. Это было идеальное утро. Время остановилось.

Потом Джон сидел на веранде в любимом кресле, пил идеальный кофе, курил, смотрел на идеально подстриженный газон и любовался горами. А главное, таких дней впереди должно было быть еще три – целое богатство.

Но судьба оставила ему только полтора. На второй день Джон услышал отдаленный шум вертолета. И хотя он пытался убедить себя, что просто кто-то летит мимо, в глубине души он уже знал – это к нему.

Домик охраны и прислуги располагался примерно в полумиле от дома Президента – так настоял Джон. Там же была вертолетная площадка. Джон запрещал сажать вертолет у своего дома – исключение составляли особые гости или он сам.

Президент сидел на веранде и смотрел на горы, на столе стоял отполированный кофейник, и в нем отражалась единственная дорога к дому.

– Вот дьявол! – его предчувствия подтвердились. На кофейнике появилось отражение машины для гольфа.

Нежданным гостем был его друг и советник, по должности – помощник по информационной безопасности; на него Президент замкнул все конфиденциальные вопросы. Это был один из немногих по-настоящему преданных людей, если вообще в наше время еще можно

говорить о личной преданности. Его звали Александр Рапопорт, и он был классический «еврей при губернаторе».

– Добрый день, господин Президент, —

– Алекс, твоя кислая рожа, — на самом деле Джон выразился гораздо грубее, — провоцирует шутки про третью мировую. Что стряслось, почему ты так со мной разговариваешь? Я чем-то тебя обидел? — в его голосе звучало раздражение.

– Нет, Джон, просто все слишком серьезно, а у меня не было заготовлено лицо для подобного случая. Поэтому я хожу с той рожей, которая получается сама собой. И говорю я официально потому, что, как мне кажется, такое можно обсуждать только официально. Вот, посмотри эти папки.

– Какие, к черту, папки, Алекс! Расскажи все сам, как обычно, как всегда между нами было. Или дело касается лично тебя, и ты не можешь об этом говорить? — все так же раздраженно предположил Джон.

– Прости меня, Джон, я не могу говорить, как обычно, потому что это касается и меня, и тебя, и вообще всех, — Алекс посмотрел в сторону. — Ладно, прости, конечно, я расскажу, только мне сначала нужно выпить. И что-нибудь съесть. Все это слишком измучило меня.

– Что, взорвется вулкан? — еще раз переспросил Президент.

– И даже не один. Рванет целая цепочка по линии Анды-Кордильеры. Вот, смотри, — Алекс попытался показать ему карту.

– А с чего ты взял, что этим прогнозам можно верить? — Джон поморщился и отвернулся, не желая смотреть.

– Мы как с тобой договаривались, Джон, — несколько истерично прервал его Алекс, — когда ты ставил меня отвечать за всю секретную информацию? Мы договаривались, что никакие непроверенные сведения я тебе не докладываю. Так вот, я уже больше недели занимаюсь этим делом, и я не сплю — потому что я не хочу верить, но не могу. И чем больше я погружаюсь в эту проблему, тем хуже мне становится. И это становится все сильнее и сильнее. Меня это пугает, Джон. Похоже, все очень и очень серьезно.

– Хорошо, выпей еще, Алекс, — Джон подлил ему вина. — Прости меня. Успокойся и рассказывай, как тебе удобно.

– Все, что касается Йеллоустоуна и катастроф вообще, было засекречено еще при Картере. Тогда наука развилась настолько, что ученые стали давать более-менее внятные и все более верные прогнозы. У Йеллоустоунского парка есть своя служба прогнозов, но она — лишь официальное прикрытие. Туда набирают середняков, и финансирование там невысокое. А вот таланты получают предложения поработать в секретных правительственных лабораториях с отличным оборудованием и зарплатой. С ними подписывают договор о неразглашении гостайны. Таких лабораторий три, они работают по разным ведомствам, независимо друг от друга. Каждая развивает свои методики прогноза. Уровень секретности — Президент. Когда два прогноза из трех сходятся, информация поступает Президенту.

– И что сейчас? — спросил Джон.

– Сейчас их больше, чем три, — Алекс посмотрел прямо в глаза Джону. — У них еще заключены договоры с теми, кто не захотел идти работать в секретные лаборатории, но бесспорно талантливы и продолжают работать в этой сфере. Таких тут еще двое. По договору с нами они получают деньги пожизненно и могут печатать свои прогнозы в открытых источниках. Но помимо серьезных прогнозов они обязаны давать несколько фейковых. Видимо, им это показалось забавным, и они согласились.

Особенно точно дает прогнозы один из них — он предсказал все извержения за последние сорок лет. Так что их сейчас даже больше, чем три, — их четыре с половиной. И это при том, что я не считаю данные из других стран, — Алекс указал на папку внизу. — Слава богу, что

никто и никогда не слушает, что говорят эксперты. Теперь ты, может, все-таки посмотришь на карту? – в голосе Алекса прорвалось раздражение.

Они сидели на веранде, пили вино и говорили. Это был очень необычный разговор.

– Нужно собрать несколько человек. Будет странный состав. Ну, на первый взгляд странный. Ты знаешь губернатора Фулера, Финча, конгрессмена О`Нила. Так вот, их и еще Забияку, – нервно говорил Алекс.

То, что он предлагал, было более чем необычно, но Джон умел держать лицо.

– То есть зовем только тех, кому можно рискнуть довериться. Главное, чтобы не было никаких утечек. Поэтому соберем их всех на президентский покер. И... – Алекс сделал паузу, – думаю, стоит пригласить Генри.

– Какого Генри? – не сразу понял Джон. – Старого?

– Да, – подтвердил его догадку Алекс.

– Ты хочешь сказать, что, когда начинается война, зовут Черчилля? – раздраженно спросил Джон. – Ты уверен, что мы не справимся без него?

– Я не знаю, Джон, я просто чувствую. Ты знаешь про мою интуицию, она нас не раз спасала. Знаешь, что она сейчас говорит мне, Джон? Если тебе интересно... Я с самого начала, после первой же строки этого чертова прогноза понял, про что это. Всякий раз, когда я хотел поговорить с тобой, ты запрещал мне говорить на эту тему. А теперь сам поднимаешь ее? Отлично! Я рад! Еще один шаг, и мы вспомним про Большую Ма.

Президент ничего не сказал. Раньше он бы жестко оборвал друга – эта тема была табу. Но теперь он смолчал. Много лет назад они с Алексом уехали в Вашингтон делать политическую карьеру. Уехали, не простившись с матерью – ее все называли «Большая Ма», она была главой политического клана. Они уехали, сорвав все планы, которые строила его семья.

– Ты тогда убедил меня, Джон, что мы поступаем правильно, хотя я думал иначе. Но тогда ты продавил, а сейчас я чувствую, что мы опять в таком же дерьме, – Алекс криво усмехнулся, – или очень на то похоже. Только сейчас я чувствую острее, и тебе не сбить меня. Мне страшно... и, что самое странное, – Алекс нехорошо засмеялся, – мне интересно!

Президент знал эти состояния в своем друге: тот как будто впадал в транс, возбужденно говорил и плохо ориентировался в пространстве, постоянно натываясь на мебель и роняя вещи. Это было не совсем нормальное состояние. Но именно оно не раз уберегало их от ошибок и способствовало карьере Джона.

– Да, да, ты прав, нам нужен Генри, и еще тебе точно придется поговорить с Большой Ма. Придется! – Алекс заводился все сильнее. – Я думаю об этом уже неделю, Джон. Мне даже не приходит в голову вопрос, что делать. Меня это вообще не беспокоит. Ты не хуже меня знаешь, что все дела делаются сами собой: здравый смысл, желание – и все идет само. Здесь не про дела, Джон, здесь про что-то другое. И я пока не понимаю, про что. Что-то вращается здесь, – Алекс ударил себя в грудь, – и болит. И меня пугает то, что я не знаю, что это, Джон.

– Ты устал, дружище, да еще и надрался – тебе всегда немного было надо. Пойдем, поспишь пару часов, и мы продолжим.

Алекс не возражал, и Джон повел его в гостевую спальню со словами:

– Ты молодец, ты свое дело сделал. Отдохни, дружище.

Джон остался один. Все, что нужно было услышать для начала, он услышал – Алекс, как всегда, точно и вовремя сделал свое дело. Джон никогда не делал поспешных выводов –

информация должна была сама набрать критическую массу и естественным путем перейти в действие. Нужно было соотнести все, что узнал Джон, с существующим политическим раскладом и просчитать варианты развития событий. Это Джон любил, в этом он был мастер.

Он вышел на веранду с папками, которые принес Алекс, и начал внимательно изучать их. Несколько раз он пользовался ноутбуком – искал ответы на какие-то вопросы в сети. Затем он сходил за колодой карт, разложил на столе политический пасьянс и начал размышлять.

Джон никогда не думал о деле, он всегда думал, как контролировать дело, потому что сделать дело и воспользоваться его плодами – совершенно разные вещи. После довольно продолжительного размышления он достал из колоды даму пик и добавил к общему раскладу. Это была единственная дама в раскладе – Большая Ма. Затем он взял бубнового короля, перевернул и отбросил в сторону. Это был МакКормик, вице-президент.

Вечером того же дня Алекс и Джон сидели на веранде.

– Ну что, маятник остановился? – спросил Джон.

– Похоже да, – расслаблено и уже спокойно отвечал Алекс.

– Теперь расскажи мне, дорогой друг, как ты видишь ситуацию с поправкой на наши интересы.

Алекс ответил не сразу, а после большой паузы:

– Тебе всегда была нужна власть, а мне был нужен ты. Ты был и остаешься моей единственной инвестицией, а инвестиции, как ты знаешь, нужно защищать. Но сейчас все по-другому.

– И что изменилось? – с искренним интересом спросил Джон.

– Мы получили, все, к чему стремились. Инвестиции обернулись колоссальной прибылью, и на меня, Джонни-танк, – Алекс широко и обаятельно улыбнулся, – пролился золотой дождь. Я не ошибся в тебе, и ты выиграл для меня все, что только можно было выиграть. Мы сорвали банк, когда тебя избрали. И в этот момент наш жизненный цикл закончился. Все, что происходит дальше, – чистая бухгалтерия.

Мы круто поменяли курс, но это все равно в рамках существующих правил. Мы поймали волну. Да, мы бы не разрешили тех противоречий, которые привели нас наверх. Я знал, как действовать в этих противоречиях. Мы не новая программа – мы перезагрузка компьютера. Мы бы много чего оптимизировали из того, что получили, и дальше бы делали тоже самое. Мы бы поступали мудро и расчетливо, играя в рамках системы – она, слава богу, еще прочна и работает. И еще долго бы работала. И мы сделали бы свое дело и ушли на покой, удовлетворив все свои амбиции. Но тут, мать его, случился этот вулкан. И все вернулось в ту точку, где мы с тобой решили то, что решили.

Вообще-то, когда я сегодня проснулся, мне было так спокойно и хорошо, и все в душе улеглось, и я подумал, что нет никакого прогноза, и никакие вулканы не взорвутся, просто Он, – Алекс поднял глаза к небу, – хочет, чтобы мы немного подумали о своей жизни. Всерьез подумали.

Джон с беспокойным интересом слушал друга. Так, как сейчас, Алекс никогда не говорил с ним – из-под привычного образа, который Джон знал с детства, проступала его истинная болезненная суть.

– И вот что я вижу, Джон. Мы сейчас как будто опять вернулись в то время, где мы сделали выбор. Вернее, ты его сделал, а я с тобой согласился, хотя и был не совсем уверен. Ведь Большая Ма хотела для тебя того же – она хотела видеть тебя Президентом. Просто она считала, что забираться на верхний этаж нужно по лестнице и по дороге разговаривать со всеми жильцами. А ты тогда решил, что лучше подняться на лифте.

Да, я помню все твои аргументы тогда, сегодня это не важно, мы уже там, где мы есть. Мы наверху – там, куда хотели попасть. Мы все угадали, и мы дождались. Мы поставили на то, о чем всегда говорили Большая Ма и Гарри.

Мы играем в баланс между жильцами и владельцами дома. Но теперь нам снова нужно решать: с кем мы? С владельцами или с жильцами? Тут даже не вопрос выбора между страной и государством. Выбора нет, инструменты государства не могут решить эту задачу, они могут только мешать. А те, которые могут решить, – они отсутствуют, и не факт, что их можно быстро создать.

Алекс говорил, чуть раскачиваясь и не обращаясь к Джону – он говорил внутрь себя, монотонно проговаривая слова, как наматывают проволоку на бобину: ровно, ряд за рядом.

– Вот почему ты снял табу с Большой Ма. И не перебил меня, когда я сегодня произнес ее имя. Тогда, давно, в той реальной политике, было подобие таких инструментов. Да, они были реальные, но заточены под другое – под конфронтацию. Сейчас совершенно другая история. Но она не даст нам остаться в стороне.

Вдруг ровные ряды проволоки спутались – Алекс очнулся и безумными глазами уставился на Джона.

– А я не хочу ничего, мне страшно, мне не хочется во всем этом участвовать. Боже, если бы ты знал, Джон, как мне страшно! Но откуда ты можешь это знать? Ты никогда ничего не боялся, ты да еще Гарри и Забияка.

Алекса трясло, как будто через него пропустили ток, и это состояние передавалось Джону.

– А я боялся всю жизнь. Я боялся толпы, я боялся, что меня побьют, я боялся подойти к девушке, я покупал дорогие костюмы, потому что думал, что они защитят меня. Я боялся быть самим собой, я до смерти боялся Забияку, и, если хочешь знать, у меня тоже была моя Большая Ма, которую я предал. Да! Не только у тебя есть Большая Ма – я думаю, Джон, она есть у всех. И вот теперь, когда казалось, что все страхи наконец позади, – этот чертов вулкан!

По лицу Алекса текли слезы. Он в одну секунду успокоился, размяк и говорил теперь с Джоном очень ласково, хотя и с грустью.

– Если честно, Джон, я уже придумал, как мне выйти из игры. И решение, – он вдруг улыбнулся, – так красиво и элегантно, что даже ты не сможешь ничего мне предъявить.

Джон скривился в ответ на эти слова, но Алекс жестом остановил его и продолжил:

– Но это хитрость внешняя – я придумал, как соскочить снаружи. А как соскочить внутри?! У меня уже так было, Джон, ты помнишь? Я сбежал тогда без всяких объяснений – я просто сбежал. И ничего не помнил. Я очнулся и только тогда понял, что сбежал. А сейчас мне в сто раз хуже.

После этих слов Джону впервые за много лет стало страшно.

– Не делай этого, Алекс, подумай еще, не оставляй меня одного, – Джон говорил монотонно, как бы гипнотизируя друга.

– Дело не в тебе, Джон, дело во мне. Я вдруг в один момент понял, что началась моя жизнь. Она началась сразу, без предупреждения, и нет никакой возможности сбежать от нее.

– А как же твои слова, что ты хочешь уйти?

– Это ничего не меняет. Жизнь вошла в меня, и не важно, в деле я или нет. Мне не за что и не за кого больше прятаться. Ответственность, от которой я бегал всю жизнь, настигла меня. Ведь я кто? Я «еврей при губернаторе». Ты всегда был моим «губернатором», с детства – как только я увидел тебя, я сразу захотел спрятаться за твоей спиной и твоими кулаками. Ты был для меня хорошим «губернатором»: ты защищал меня, никогда не унижал, заботился обо мне.

Алекса как будто снова воткнули в розетку – он опять начал заводиться.

– И я знал, что я «еврей», а ты «губернатор». Правила игры были понятны, и, если бы игра продолжалась, я был бы полезен и для тебя, и для себя. Но теперь возникло нечто, что

отменяет все правила. Не будет больше ни «еврея», ни «губернатора», а что будет, кто будет, какие будут правила – я не понимаю. И поэтому мне страшно, Джон. Похоже, мне больше не удастся спрятаться за тобой, Джон, мне придется отвечать за себя самому. Господи, как я хочу, чтобы все вдруг кончилось, как страшный сон! Чтобы завтра эти чертовы эксперты отозвали свои прогнозы и все стало по-прежнему...

Я неделю варюсь в этом, я ничего не говорил тебе, я плохо спал, мой мозг работал, как бешеный. Вот, посмотри на очаги поражения, – Алекс достал карту, – это как удары хлыстом. Вот зоны поражения – и смотри, только на этих территориях может сохраниться жизнь – как во время ядерной зимы.

– Я смотрел карты, Алекс, я видел. Если это будет – это будет для всех. Когда все в одной лодке, это не страшно – чего ты боишься?

– Я не знаю, чего я боюсь, я не знаю слов, которыми можно сказать это. Только крутится что-то в груди. Сны снятся такие, что лучше и не ложиться. И, самое главное, я не верю, что мы способны сделать что-то заранее – мы можем только реагировать на уже случившееся. Слишком все далеко зашло, слишком. У меня нет больше связи с реальностью. Это как смотреть на идущий на тебя смерч в поле – ты все видишь, все понимаешь, а сделать ничего не можешь. Все бессмысленно. Так вот, я бегу не от этого. Если бы я знал только это, я бы не дергался и был с тобой до конца. Я боюсь не того, что невозможно, Джон! – Алекс кричал. – Я боюсь того, что возможно!!! Я и тогда убежал, испугался того, что я могу сделать, а не того, что не могу. И сейчас опять то же самое, только в сто раз сильнее.

– А меня пугает, – жестко перебил Джон, – что в течение пяти минут ты то говоришь, что знаешь, что делать, то – что не знаешь. Что с тобой, Алекс? Возьми себя в руки.

Алекс на секунду застыл. И опять стал привычным Алексом – конкретным, точным, немногословным.

– Ты прав, Джон, я не знаю, что делать, и знаю одновременно... такой вот расклад. У меня есть одно предложение, но я боюсь его озвучить, потому что это невозможно – но одно только это и возможно.

– Говори, Алекс, пожалуйста, говори, не бойся, – Джон начал успокаиваться.

– Ты еще никогда не называл меня по имени так часто, как сегодня, – вдруг очень кокетливо и не совсем по-мужски отметил Алекс. Джон оторопел – он не успевал за сменой эмоций на лице друга. Между тем Алекс деловито продолжал: – Окей, я вижу первый шаг, который нужно сделать. Кого нужно собрать за одним столом.

– Говори.

– Нужно позвать Мартина Фулера, Элана Финча, Брайана О`Нила и, конечно, Забияку.

Алекс как будто забыл, что уже называл эти имена, и говорил, как в первый раз – Джон видел это по его глазам.

То, что предложил Алекс, требовало разъяснений. Джон хотел потребовать их сразу, еще утром, но не успел; не успел и сейчас. Алекс нервно продолжал:

– Да, Забияку. Меня трясет от мысли о его шуточках, но ему можно доверять, что ни говори. И не нужно меня защищать от Забияки, нам не по пятнадцать лет, я сам сумею за себя постоять! – Алекс чуть не сорвался на крик.

– Главное, чтобы не было никаких утечек – позовем их всех на президентский покер. Думаю, что смогу всех уговорить срочно приехать... Пожалуй, – с такой же паузой и с той же интонацией, как в первый раз, повторил Алекс, – нужно пригласить Генри.

Джон поймал себя на желании переспросить, как и в первый раз: «Какого? Старого?», – но только тихо произнес:

– Ты уже говорил это, Алекс.

– Ты думаешь, я не знаю, что тебя тошнит от старика Генри? – ядовито зашипел Алекс. – Или мне будет приятно видеть Забияку? Но я неделю варюсь в этом дерьме, а ты всего-навсего, – Алекс взглянул на часы, – четыре часа и двенадцать минут!

– Все! Стоп! – оборвал Алекса Джон. – Тормози, я за тобой не успеваю. Давай сначала. Почему эти люди? Зачем нам встречаться с ними?

Алекс поник, как будто из него вынули скелет. Он рухнул в кресло и, преодолевая внутреннее сопротивление, начал пространно отвечать:

– Помнишь, мы смотрели фильм Линча – как старик поехал просить прощения у брата, на газонокосилке. Как напились и плакали, не стесняясь. Жаль, редко так бывает. Я люблю этих чертовых стариков, Джон, и я хотел бы их спасти. Я уже не говорю про всех остальных. Но как спасти людей, если до них никому нет дела? Кто будет их спасать? Совет национальной безопасности? Пентагон? АНБ? ЦРУ? ФБР? Уолл-Стрит? Ну, соберем мы официальных лиц, доложим ситуацию – ты думаешь, кто-то будет думать о людях? Информация моментально просочится, и начнется такой хаос и безумие, которые невозможно будет контролировать.

Джон молчал и терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

– Да что я тебе говорю, ты не хуже меня знаешь этих людей. Мы с тобой, Джонни, одни из них. Как же кривое будет делать прямое? Ты спрашиваешь, зачем нам нужны эти люди? Проблема не между ослами и слонами, проблема между верхом и низом. Нам нужны честные демократы против демократического истеблишмента, и нам нужны честные республиканцы против нас с тобой, Джонни, потому что мы и есть республиканский истеблишмент. И поэтому меня разрывает на части.

Я хочу помочь людям и боюсь не справиться. Я надеюсь на тебя, но еще я малодушно хочу, чтобы ты испугался и пошел формальным путем – тогда я могу сбежать, потому что не верю, что таким путем людей можно спасти. А с другой стороны, мне очень хочется, чтобы ты не струсил, а прищемил хвост этой гадине и спас людей. Поэтому мне пришли в голову эти имена.

Губернатор Фулер – фермер как он есть. Он, может, и глуповат, но люди ему верят. Зато у его дружка-конгрессмена ума хватит на троих, и он не боится ни военных, ни спецслужб, ни Уолл-Стрита. Он отстаивает интересы большинства.

Дальше. Лоббистов в белых перчатках не бывает, но Финч – особый случай. Он, конечно, бандит, но понятия ставит выше своих интересов. Про Генри все понятно. Забияка – это Юг. На них можно опереться, начав игру против элиты. Я не вижу, как по-другому можно сделать дело.

Джон молчал – теперь до него дошло, что предлагал Алекс.

– У тебя есть конкретное видение игры? – спросил Джон.

– Нет. Им не навяжешь того, чего они не хотят. Нужно встретиться и послушать, что они скажут. Мы ничего не теряем. Мы не делаем ничего незаконного. Кроме того, обычная процедура – стандартный договор о неразглашении. Просто я хочу, чтобы мы услышали мнение экспертов, мы же так любим звать экспертов, – с сарказмом сказал Алекс. – Что потом? Я знаю сто человек, которые верно оценят ситуацию, но что будет потом? А эти – эти способны думать еще и об общем деле, а не только о себе. На это надежда. Только вот мы, Джон, – мы-то еще можем думать об общем деле? Есть оно у нас с тобой вообще, это общее дело, а, Джон? Так что остаемся мы с тобой. И решение за тобой. Если ты решишь... – Алекс не успел договорить, как Джон решительно встал и вышел из комнаты.

Так Джон остался один – впервые в жизни. С детства всегда кто-то был рядом: мать, отец, брат, кормилица, жена... Джону было нужно, чтобы кто-то был рядом, чтобы кто-то вос-

хищался им, чтобы было кому нравиться. Джон любил власть и любил нравиться. Если бы он любил власть меньше, то пошел бы в певцы или артисты, у него это хорошо получалось. Но он любил власть больше, чем нравиться людям.

Джону нужно было, чтобы им восхищались во власти и через власть, чтобы понимали, как Джон управляет с властью. Это понимали немногие: мать, брат, кормилица и Алекс. Но власть означает одиночество, и Джон не понимал сначала, что принес в жертву любовь матери и брата... а теперь он вдруг понял, что только восхищение Алекса питало его, но и этого не осталось. Он совсем один, и даже если все им восхищаются, ему все равно и даже хуже, потому что ему нужно, что бы им восхищался человек, которого он любит и который любит его и понимает, какой он.

Так Джон остался один на один с вызовом, который был больше его опыта и навыков. Но сейчас его беспокоило только одно – он боялся потерять Алекса, тем более сейчас. Он был как линейный корабль, большой и могучий, который в один миг потерял навигационное оборудование. Он ослеп. У него были пушки, ракеты – сила, – но он не знал, где он и куда ему идти.

Джон пошел на веранду к столу, где лежал разложенный им ранее пасьянс. Таково было главное правило его жизни: как бы тебе ни было плохо, ты должен действовать. Он взял пять карт, разложил их перед собой и начал думать. Это были карты на людей, предложенных Алексом для «президентского покера»: конгрессмен, губернатор, лоббист – три демократа; ветеран холодной войны и миллиардер с юга – республиканцы.

Джон попытался сосредоточиться, но у него не получалось. Его мир разрушился. То, как он понимал власть, те условия игры, в которых он разбирался и по которым умел играть, исчезли в одну секунду, когда Алекс сказал, что теперь каждый должен принимать решения сам. И в конце этой цепочки был Джон.

Джон слонялся по дому без цели: зашел в дровяной сарай, взял в руки топор, затем повесил на место. Потом обошел вокруг дома, зашел в комнату с тренажерами, вышел на веранду, сел в кресло, попробовал закурить. Курить не хотелось. Джон вернулся в комнату с тренажерами, сел, не переодеваясь в спортивную одежду, на гребной тренажер и начал грести, грести, грести, постепенно наращивая темп.

Наконец Джон принял решение и пошел искать Алекса. Алекс спал на диване под лестницей, в самом укромном месте. Джон не стал его будить – он взял лист бумаги и написал: «Зови всех на президентский покер». Записку он положил на столик рядом с диваном и тоже пошел спать.

Часть II

Президентский покер

Ждали Забияку – одноклассника Джона и Алекса по колледжу, теперь миллиардера: хозяина империи, занимавшегося нефтедобычей, инновациями и много чем еще, в частности, владевшего крупнейшим на Юге детективно-охранным агентством.

В колледже Забияка был «черным человеком» Алекса. Он прицепился к тому сразу, как увидел; за любовь Алекса к Библии и нерешительность он называл его «Монашкой». Он задира́л его при первой возможности, но не грубостью (хотя грубости у него хватало) – он доставал его смыслами. Он шутил, он был ревизором жизни Алекса.

Джон плохо переносил унижение друга, но часто ничего не мог сделать, потому что был согласен с тем, что говорил Забияка, а еще потому, что Алекс тоже был с ним согласен. Забияка олицетворял все то, чего не было у Алекса. Джон и Забияка были лидерами в классе. Забияка ко всему относился с насмешкой и старался ни в чем не уступать Джону. И только в одном случае Забияка начинал грязно задира́ть Алекса – когда он хотел подраться с Джоном; а дрались они часто. Чтобы потешить свое самолюбие, он оскорблял Алекса и потом с усмешкой смотрел на Джона, который лез в драку за друга.

Во всем остальном он был парень хоть куда: умный, смелый, сильный, отличный товарищ. И он дружил с Гарри, братом Джона.

При любом раскладе Забияка был бы очень неудобен для Алекса.

Но Алекс предложил позвать его.

Джон знал, что Алекс тайно следил за судьбой Забияки, своего вечного оппонента, и всю жизнь что-то доказывал ему.

Когда Алекс настоял на том, чтобы пригласить Забияку на инаугурацию Джона, он думал, что это будет его триумф, что Забияка признает его достижения. Но Алекс жестоко просчитался. Когда на приеме по случаю инаугурации они остались в тесном южном кругу (он, Джон, Забияка и Большая Ма), Забияка жестоко пошутил:

– Монашка думает откупиться от своего страха успехом Джона и почему-то выбрал для этого меня. Не сотвори себе кумира, Монашка, отчитываться надо перед Ним, – Забияка поднял глаза вверх, – а не передо мной.

Он попал в самую суть. Алекс побледнел и застыл без движения. Большая Ма ехидно усмехнулась – ей понравилась эта злая шутка. Джон покраснел, ему хотелось ударить Забияку: тот портил его праздник. Забияка, насладившись реакцией окружающих, громко засмеялся и ушел, довольный собой.

Забияка был верен себе: он посадил свой вертолет прямо перед ранчо Президента, несмотря на возражения охраны; не станут же его сбивать.

– День добрый, ребята, – Забияка здоровался со всеми за руку. Он был последним из прибывших на «президентский покер». – Надеюсь, здесь нет содомитов и демократов? – пошутил он и сам рассмеялся.

Шутка понравилась не всем, но все промолчали. Забияка не унимался.

– Какой интересный состав игроков, умираю от любопытства: в какую игру мы будем играть? Но у нас на Юге так: когда друг просит приехать, ты сначала приезжаешь, а уж потом спрашиваешь, зачем. Монашка позвал – и вот я здесь.

– Кто позвал? – не понял конгрессмен О`Нил.

Алекс побледнел. Джон не дал Забияке ответить – он шагнул к нему и указал на стол, где лежали бумаги и ручка.

– Вот, подпиши. Это стандартное обязательство о неразглашении. Все остальные уже подписали, так что не будем терять время. А телефон положи вон в ту железную коробочку.

– Судя по твоему настрою, Джон, если я не подпишу, мне укажут на дверь, – Забияку распирало от внутренней силы. – На сегодняшний день любопытство сильнее. Где подписывать?

Джон краем глаза видел Алекса, который был явно не в себе после слов Забияки. Вообще, это Джон должен был сидеть в кресле, а подписывать документы и докладывать положение дел должен был Алекс – если бы не Забияка. А тот не унимался.

– Странно и необычно, – говорил он с улыбкой, обращаясь к Алексу.

– Что странно? – вышел из ступора Алекс.

– Что здесь нет ни одного ниггера. Где хваленая вашингтонская политкорректность? У нас тут, судя по всему, один еврей и шесть англосаксов. Некомплект. Нужно позвать боя, а то янки нас не поймут.

На этих словах губернатор Фулер поднялся и подошел к Забияке. Мартин Фулер был крепкий, коренастый мужчина с огромными ручищами, весь усыпанный веснушками.

– Вы это говорите ради шутки или зачем-то еще? – глядя в глаза Забияке, спросил губернатор.

– Уж какие тут шутки, губернатор, – Забияка ответил взглядом на взгляд.

– Джентльмены, – решительно прервал их перепалку Генри Диллинджер. – Давайте к делу, шутить будем потом.

– Золотые слова, сэр, – отреагировал Забияка. – Я смотрю, вы уже налили себе.

С этими словами он прервал дуэль взглядов с губернатором и направился к столику с алкоголем.

– Нужно не отставать, а то будем не на одной волне, – Забияка налил себе вина и с бокалом и бутылкой вернулся на свое место.

Джон принес папки по Йеллоустону и положил на журнальный столик.

– У нас только один экземпляр, поэтому садитесь плотнее.

Доклаживал Джон.

Алекс наблюдал, как Джон делает его работу, как люди, приглашенные им, вникают в обстоятельства дела, как меняются их лица и как меняется лицо Забияки.

Лоббист Элан Финч, губернатор Мартин Фулер и конгрессмен Брайан О'Нил были демократами. Интуиция Алекса, побудившая его пригласить их на эту встречу, подсказывала что-то, что выходило за границы рациональных подходов, которые работали в сложившейся системе американского политикума. Все эти люди в силу своих должностных обязанностей входили в круг постоянного общения Джона и Алекса, но назвать их ближним кругом было нельзя. Как нельзя было отнести к такому кругу и Забияку с Генри.

Именно в ближнем кругу опасность утечки информации и потери контроля над процессом была бы наибольшей. Но когда Джон сидел с колодой карт и раскладывал их, анализируя состав приглашенных, который предложил Алекс, он думал только об одном: как не скомпрометировать себя в глазах соратников, объясняя, почему он сначала позвал этих людей, а не пошел официальным путем.

– Как мы видим из доклада, вулканическая и сейсмическая активность связаны друг с другом. По всем разломам тектонических плит будут происходить активные процессы: извержения вулканов, землетрясения и, как следствие, цунами. Сроки начала, как вы видите, называют немного разные, но все сходятся в одном: это неминуемо начнется. Три года нам дает

самый авторитетный эксперт из тех, кто составлял этот доклад. Предлагаю исходить из этих сроков, – закончил свою речь Джон.

– Нужен перерыв. Где здесь туалет? – нарушил тишину Генри. Все молча согласились с ним и парами разбрелись по дому, обсуждая услышанное. Только Алекс в одиночестве остался неподвижно сидеть на своем месте.

Конгрессмен Брайан О`Нил и губернатор Мартин Фулер прогуливались по газону и разговаривали. Они были живописной парочкой: один высокий, худой, с длинным носом, похожий на де Голля, другой – рыжий здоровяк с пивным животом.

– Что скажешь, Брайан? У меня сердце не на месте: сколько людей погибнет, сколько горя. Все нажитое пойдет прахом. Как такое может быть? Нужно что-то делать. Бить во все колокола. А мы здесь втихаря сидим и слушаем. Никак не пойму, в какую игру нас позвали играть.

– Я думаю, никакой игры пока нет. Либо мы придумаем ее сами, либо ее и не будет, – задумчиво отвечал Брайан.

– Ты веришь в то, что мы услышали? У меня пока все это не укладывается в голове. И почему позвали именно нас? – не унимался Мартин.

– Я думаю, все очень просто. На сложные вопросы следует искать простые ответы, другие не работают. Мы здесь как фокус-группа, а может, и что-то большее, но это как пойдет. Здесь собрались только политики, и даже этот южок с мужланскими манерами здесь как политик – он имеет большой вес на Юге. Их «Лига Юга» – реальная сила.

– Ты о чем, Брайан? – напрягся губернатор. – Думаешь, пахнет мятежом?

– Ну какой мятеж, дружище. Мятеж – это когда самозванец с подручными пытается смести элиту и взять власть силой. А нас позвал законно избранный Президент. Если говорить о возможном статусе мероприятия, который следует из состава участников, то эту встречу можно считать неофициальной предварительной консультацией по проблеме.

– Как это? – любопытствовал Мартин. – Расскажи-ка мне, что ты думаешь об этом.

– Чтобы адекватно ответить на такой вызов, как эта глобальная катастрофа, нужно сплотить нацию. Для этого нужны реформы. А у реформ всегда один и тот же сценарий: лидер с народом идет против элиты.

Конгрессмен отвечал на вопросы друга, но разговаривал как бы сам с собой. Он так быстро думал, что его раздражали лишние слова – особенно когда люди, пытаясь что-то донести до него, продолжали говорить, а он уже все понял. Он боролся с этим, когда пришел в политику: здесь нельзя было оборвать человека на полуслове, приходилось дослушивать до конца.

Он не любил чего-то не понимать. Отвечая на вопросы губернатора, он отвечал и себе. Они познакомились давно, будучи еще молодыми, но уже зрелыми людьми. Они так быстро и искренне сошлись во взглядах, как будто дружили с детства: Брайан, рафинированный бостонский интеллект, и рукастый здоровяк Мартин – фермер со Среднего Запада.

Лоббист Элан Финч и Генри Диллинджер столкнулись на веранде. Генри любовался видом на Скалистые горы.

– Психопаралитический вид, – поделился он впечатлением с Эланом.

– Да, сэр, – уважительно согласился Элан – он был сильно моложе Генри.

– Просто Генри, – предложил старый волк молодому.

– Хорошо, Генри.

– Для пользы дела, Элан.

Забияка атаковал Джона:

– Зачем ты позвал ослон, Джонни? Мы что, не могли обсудить это сначала в своем кругу?

– Держи дистанцию, Билл. Что ты все время наседаешь на меня? Всех позвал Алекс – это его ход, и я с ним согласен. А ослы – это пол-Америки. Зачем ты их задираешь? Проверяешь на прочность?

– А как же иначе, Джон? – улыбнулся Забияка. – Так ты говоришь, всех позвал Монашка? Ну-ка расскажи, что вы задумали.

– Сейчас все услышишь – не рассказывать же мне два раза. И не зови его Монашкой на людях. Видишь, он и так еле держится.

– И мою персону тоже он предложил?

– Да.

– Скажи, Джон, а он знает про наши дела? Про деньги на предвыборную компанию?

– Нет. Ты же просил не говорить ему.

– Это хорошо, Джон, – засмеялся Забияка. – Это очень хорошо. Пойду собирать людей, не терпится послушать про ваш покер.

На второй раунд гости расселись уже посвободнее. Слово взял Джон.

– Всех вас позвала сюда интуиция моего друга Александра Рапопорта. Она не раз выручала меня, я прислушивался к ней и готов следовать ей сегодня. Еще вчера утром я не подозревал о надвигающихся событиях и, как и все вы, наслаждался каникулами. Благодарю, что вы так оперативно откликнулись на мою с Александром просьбу о встрече.

Неделю Алекс работал с этой информацией и сделал выводы, с которыми я абсолютно согласен. Вызов, от которого мы не можем уклониться, будет проверять на прочность нашу систему управления и нашу способность решать глобальные задачи. Такие задачи, которые мы давно не решали, если когда-нибудь решали вообще. Наша система, состоящая из большого количества институтов, центров силы и интересов, способна хорошо решать вопросы мирного времени. Но, задача, стоящая перед нами сейчас, носит скорее военный характер.

Для решения этой задачи нам нужно консолидировать управленческий потенциал и создать новые инструменты. Но мы не можем успешно реформировать структуру, опираясь на ресурсы самой структуры. Нам нужна опора извне. И при этом мы не можем обнародовать информацию, пока не наладим контроль за процессом. Потому что, если мы выпустим информацию из рук, начнется хаос, и мы не сможем с ним справиться. Поэтому мы позвали вас, чтобы попытаться в короткие сроки создать точку опоры, через которую можно будет влиять на ситуацию и в результате взять ее под контроль.

Брайан нервничал: его конкретный фермерский ум понимал не все из того, что сказал Джон. Мартин видел это и успокоил его, шепнув на ухо:

– Не волнуйся, я тебе все объясню.

– Теперь, – продолжал Джон, – когда вы все знаете, давайте обсудим это. Что вы думаете по этому поводу?

Повисла нехорошая пауза. Но Джон был совершенно спокоен – он никогда не торопил события. Собравшиеся молча обменивались взглядами.

Желающих немедленно высказаться не было, и инициативу на себя взял Забияка. Все происходящее невероятно заводило его, он наслаждался сложившейся ситуацией. Его смех, громкий и задорный, прервал затянувшуюся паузу.

– Вот до чего довела нас политика Севера! Президент страны просит граждан помочь спасти Америку, а граждане медлят. Никакого гражданского рвения! Похоже, я первый после раздачи – так вот вам моя ставка. Джон высказался несколько политикански, как говорят в Вашингтоне, и я хотел бы уточнить, тем более не все все поняли, – он кивнул в сторону губернатора Фулера, манерно приподнял несуществующую шляпу и почтительно сказал: «Сэр...» – Как я понял из речи Джона, мы здесь пытаемся создать союз равнодушных граждан, а наши должности и возможности – только приложение к высокому званию гражданина. Так, Джон?

– Так, Билл, – ответил Джон.

– И цель нашего союза – нагнуть янки, потому что они уже не ловят мышей. А сделать это нужно, чтобы спасти побольше простых граждан от чертова вулкана. Так, Джон?

Забияка прекрасно знал, что такое определение «янки» для человека с Юга, знал это и Джон. Забияке было важно, чтобы Джон ответил, как человек с Юга.

– Так, Билл.

– Не знаю, как другие, а я в деле, – радостно констатировал Забияка. Глядя на Алекса, он остановился и, выдержав паузу, начал вторую часть своей речи: – Как же здорово ты все придумал... – для Алекса пауза длилась вечно, он побледнел и ждал худшего – что его опять назовут «Монашкой», и на этот раз все это услышат, – Александр Рапопорт.

Первый раз во взрослой жизни Забияка назвал Алекса по имени.

– Как же здорово ты все придумал, Александр, – повторил Забияка так серьезно, как не ожидал от него никто из присутствующих. – Ты позвал тех, кого надо – я думаю, все будут в деле. Генри, – Забияка кивнул ему, – не упустит возможности вернуться в «большую игру» на таком высоком уровне, выше которого только господь Бог. Большое сердце губернатора Фулера честно бьется за Америку, – это Забияка говорил, глядя на Мартина, и было видно, что тому лестно такое услышать. – Конгрессмен твердо стоит за правду и не боится ни Уолл-Стрита, ни спецслужб, что доказывал не раз.

Конгрессмен О'Нил был гордый человек и не терпел ни хороших, ни плохих оценок в свой адрес. Было видно, что ему неприятны слова Забияки, но он промолчал.

– Финч – самая закрытая фигура в нашем раскладе, – Забияка кивнул ему, – но что-то подсказывает мне, что и здесь Александр не ошибся. Так как я принял решение и сказал, что я в деле, то хочу кое-что прояснить для присутствующих.

Сначала лично для вас, губернатор. Что касается ниггеров, – Забияка опять взял шуточный тон, – то вы, видимо, не знаете, что моя младшая вышла замуж за ниггера. Я с ума сходил, представляя, как он накачивает ее своим черным поршнем. Накачал мне двух внуков. Мы отличная семья. А что вас задело? Ниггер есть ниггер, я знаю сто ниггеров, которым с удовольствием пожму руку. И знаю еще больше белой сволочи, которой я бы с удовольствием эту руку сломал.

Так что есть много, очень много ниггеров, которые встанут за меня и за которых встану я, если что. И они крепче стоят сейчас, чем белые – потому что еще не перестали верить в Бога. И для них мальчик – это мальчик, а девочка – это девочка, впрочем, как и для меня. И я говорю им в глаза «ниггер», и если они обижаются, то в этом виноваты политические шлюхи. Но, – Забияка опять широко улыбнулся, – мои ниггеры не обижаются на слова про цвет кота – главное, чтобы он ловил мышей. Что касается содомитов – много их работает в моих бизнесах, и я плевать хотел на то, что делают взрослые люди наедине в постели. Но я против развращения детей. Я так думаю и так говорю, чтобы вы знали, каков я, чтобы решили, можно иметь со мной дело или нет.

Вы знаете, каковы мои финансовые возможности, и было бы глупо предполагать, что я не воспользуюсь сегодняшней инсайдерской информацией, чтобы увеличить мое состояние – не нарушая договора о неразглашении, конечно. И если в нашем деле возникнут расходы, я беру их на себя.

Ну и последнее: я прикушу свой длинный язык и слова не скажу без пользы для дела, пока мне не разрешит говорить Александр Рапопорт. Вот моя ставка в игре. Я хочу, чтобы все понимали, что Забияка ставит дело выше себя.

Теперь по существу вопроса. Может, кто-то не понимает последствий этой катастрофы – я попробую кое-что прояснить. Такой удар по экономике, безусловно, уничтожит доллар как международную валюту в том виде, в котором он существует сейчас. Экономика обнулится, все придется начинать сначала, заработают аналоговые механизмы. Ценность реальных производств возрастет, но виртуальной экономике придет конец. Всем придется передоговариваться со всеми. Это означает конец могущества Америки. Главной ценностью станут люди – то, что у них в головах и в руках. Ну и материальные ресурсы, конечно. Что вы думаете по этому поводу, губернатор?

Так Забияка столкнул разговор под горку, дальше он покатился сам.

– Что я думаю? Я не знаю, что я думаю. Я думаю как фермер и как губернатор, я думаю о том, как сохранить землю, и не понимаю, как. Что будет с землей? С водой? С растениями, с животными? Что делать, Брайан? – обратился Фулер к конгрессмену.

– Мистер Забияка правильно формулирует цель – нужно спасти людей, – ответил на вопрос друга О'Нил. – Спасутся люди – найдем решение и по земле, Мартин. Вопрос в том, что и кто мешает этого достичь. Я думаю, ни у кого здесь нет иллюзий, что наш правящий класс не готов на сегодняшний день справиться с этой задачей. Вопрос в том, – Мартин посмотрел на Джона, – как далеко вы готовы зайти, господин Президент?

Джон как будто ждал этого вопроса – он ответил твердо и без задержки:

– Я готов зайти так далеко, как этого потребует дело. Я полностью отдаю себе отчет в том, каких жертв может потребовать необходимость взять ситуацию под контроль. Я готов действовать ради этой цели. Для этого мне нужен план действий и энергичные люди, способные его реализовать. Поэтому вы здесь, и я надеюсь на вас. Вас устраивает мой ответ, конгрессмен?

– Да. Может, кто-то из присутствующих нуждается в чем-то большем? – обводя взглядом аудиторию, спросил конгрессмен.

Все молчали.

– Хорошо. Тогда я спрошу человека, у которого всегда есть ответ на вопрос. Я хочу спросить у тебя, Элан: что нужно, чтобы быстро взять под контроль элиту и подчинить ее интересам спасения народа?

– Перл-Харбор, – без паузы ответил Элан Финч.

Его слова вызвали движение среди присутствующих. Губернатор Фулер даже вскочил и подбежал к Финчу с вопросом: «Как это понимать?» Похоже, ему одному было непонятно. Финчу было неудобно сидеть, когда губернатор стоит перед ним, он встал и спокойно ответил на вопрос:

– Должна возникнуть угроза гораздо серьезнее, чем личные интересы кого-либо в стране. Тогда все, кто мешает этому и ставит свои интересы выше общего спасения, могут быть легитимно поставлены под контроль.

– Разве вулкан – это не Перл-Харбор? – удивился Фулер.

– Нет, губернатор. Вулкан – это война, а Перл-Харбор – то, что позволило Рузвельту вступить в войну. Сначала должно произойти нечто, что даст Президенту в руки моральные основания для жестких действий и позволит взять политическую инициативу.

– Но вулкан вступает с нами в войну, и нам неотвратимо придется воевать. У нас ведь нет выбора, как у Рузвельта: воевать или нет. Почему нельзя сразу обнародовать информацию о вулкане? Люди нас поддержат! – поставил вопрос ребром Фулер.

Финча опередил О'Нил. Он подошел сзади к Фулеру и, положив ему руку на плечо, привел свои аргументы.

– Скажи мне, Мартин, ты можешь назвать хотя бы одно большое мероприятие за последнее время, которое наши официальные власти успешно бы выполнили? Не важно, во внешней или во внутренней политике.

– Я понял, Брайан, – сказал Мартин после непродолжительной паузы.

– Еще это нужно для того, Мартин, – продолжал О'Нил, – чтобы они проявили себя. Чтобы мы знали, на кого можно опираться, а на кого нельзя. Ты же не думаешь, что нас семерых достаточно, чтобы справиться с этим делом. Нам нужно все подготовить. А времени у нас нет. Мы должны решиться взять на себя ответственность. Поэтому нас позвал Президент. Я тоже считаю Перл-Харбор не совсем точным определением, но ход мысли понятен, и более точного определения у меня нет. Скажи мне, Элан, у тебя есть какое-то конкретное видение? – снова обратился к нему О'Нил.

– Конкретного нет. Но нужно кардинально изменить вектор политики, а дальше все становится технической задачей. Я говорю о модели возможного развития событий. Над поводом или причиной для смены курса нужно думать, – ответил Финч.

– И как вы видите возможную последовательность событий, Элан? – включился в разговор Генри Диллинджер.

– Сначала возникает событие – условно Перл-Харбор, – которое привлекает к себе внимание нации. В этом событии должно быть обостренное столкновение интересов большинства и той части истеблишмента, которая не хочет учитывать эти интересы. Президент должен занять сторону большинства и заявить об этом. Противники консолидируются и пойдут в атаку. В этот момент нужно выложить на стол информацию о вулкане и параллельно подготовить пакет документов, который позволит сразу взять ситуацию под контроль. Вот так в общих чертах я вижу ситуацию, Генри.

– Вы верите, что такое возможно? – продолжил Генри.

– Вера – самое точное слово. Просчитать такую игру невозможно. Но попробовать сыграть – можно. Тем более мы не совершаем ничего противозаконного. Я готов попробовать.

– И у вас есть в кармане такой Перл-Харбор? – вмешался в разговор Забияка.

– Нет, конечно. Я уже говорил Брайану: такие вещи не держат в карманах. Их либо долго готовят, либо пользуются тем, что есть, – ответил Финч.

– А если, – продолжал Забияка, – мы не найдем повода, если его просто не будет в нужное время – как тогда вы предлагаете действовать?

– Тогда нужно сразу предъявлять информацию о вулкане. Просто это будет не так изящно и не так эффективно, – закончил отвечать на вопросы Финч и сразу задал свой: – А что думаете вы, Генри, по своему департаменту?

Все внимание переключилось на Генри.

– Вы не поверите, джентльмены, но я давно ожидал чего-то подобного. Для начала я хочу ответить на ваш вопрос, Мартин. Мне важно, чтобы именно вы имели представление о том, что произошло. После того как мы, скажу откровенно, несколько неожиданно победили в холодной войне с Советами, мы утратили всякую связь с реальностью.

Генри говорил неожиданно возбужденно, даже с какой-то детскостью в интонациях.

– Это был только вопрос времени, когда последствия нашей внешней политики ударили бы нас самих обратным кроссом. У нас был на эту тему неприятный разговор с Джоном, и я высказал свое мнение в очень резкой форме. И я признателен ему, что он, несмотря ни на что, позвал меня на эту встречу. Я ожидал чего-то подобного, но что это примет размеры

такого испытания для нас, не мог вообразить даже в самом кошмарном сне. Не буду тянуть кота за хвост: я не вижу никого, кроме русских, кто мог бы помочь нам справиться с этой катастрофой.

Генри Диллинджер говорил все это и заметно волновался, и от этого его слова приобретали еще больший вес – потому что раньше всегда, при любых обстоятельствах Генри был спокоен.

– Я ждал чего-то подобного, но то, что узнал, превосходит все мои ожидания. Все это очень неприятно, но деваться нам, видимо, некуда. Я, конечно, предпочел бы виски и сигару в кресле перед камином... Я хочу сказать, что рассуждаю сейчас, как вы понимаете, несколько гипотетически...

– Как? – переспросил Фулер.

– Воображаемо, не совсем конкретно, Мартин, – ответил Генри. – Но! Без серьезных аналитиков мы можем только наметить стратегию, что, собственно, мы и призваны сделать. Как следует из прогноза, главный удар придется именно на североамериканский континент. И Западное, и Восточное побережье пострадают в равной степени. Плюс все долгосрочные последствия извержения. Из того, что я вижу на карте, есть только одно место, где будет более-менее спокойно, – Россия. Ее территория довольно слабо заселена, и главное – там есть все необходимые для выживания ресурсы, прежде всего питьевая вода.

– Это что, единственный вариант? – спросил губернатор Фулер.

– Из чего мы исходим? – вмешался в разговор Забияка. – Нам нужно куда-то деть двести миллионов населения, чтобы они где-то пережидали катастрофу, а потом постепенно вернулись назад на территорию, где уже можно будет жить.

– Почему двести? – возмутился Фулер. – У нас триста двадцать миллионов населения. Куда денется еще сто двадцать? Что вы имеете в виду?

– Давайте будем реалистами, – усмехнулся Забияка. – Что вы собираетесь делать с преступниками – перевозить тюрьмы? Люди с деньгами наверняка позаботятся о себе сами. Кого-то мы распахиваем по ближним карманам – на Аляску, в Канаду и Мексику. Есть Австралия, Европа, Африка, наконец. Какие-то территории могут остаться пригодными для жизни и у нас. Кто-то останется здесь по долгу службы. А многие, я уверен, захотят закончить свою жизнь на своей земле: чтобы жить, нужно больше мужества, чем чтобы умереть в один миг. Будут еще, как говорят на войне, боевые потери. Или вы думаете иначе, губернатор?

– Не знаю, – грустно ответил Фулер.

– Можно идти от обратного и предлагать другие варианты, – продолжил Генри. – Китай, например. Но, судя по прогнозу, с которым мы ознакомились, там тоже ожидается большая сейсмическая активность. И я спрашиваю вас: как вы думаете, китайцы захотят принять нас? Я не спрашиваю смогут ли, я спрашиваю: захотят ли? Или Индия? У кого-то есть вопросы? Мы можем попытаться рассмотреть и такой вариант, как Африка, но здесь я согласен с мистером Забиякой...

– Можно просто Билл, – перебил Генри Забияка.

– Но здесь я согласен с Биллом, – подхватил реплику Генри, – мы должны быть реалистами. Я не вижу в рамках, в которые мы поставлены, иного варианта, кроме как обратиться за помощью к русским. И еще наблюдение из моего международного опыта: только русские соблюдают договоренности. И это без обсуждения альтернативы. Хотя не знаю, есть ли она, альтернатива силовому решению нашей проблемы.

Здесь нет наивных людей, полагающих, что у нас не найдется достаточного количества желающих оккупировать Африку или Австралию. Или, что еще интереснее, предъявить силовой ультиматум русским. Мы потому здесь и собрались, что этих ребят нужно взять за горло. Я не против силового решения при условии, что оно разумно. Да, Мартин, – Генри обратился к губернатору Фулеру, – я не говорю про силовое решение при условии, что оно будет разумно

и морально. Я говорю, что не против при условии, что оно будет разумно. Мы можем попробовать оккупировать часть Северной Африки – там есть большие запасы воды. Но у нас мало времени. Как вести войну на два фронта, бороться за территорию и перевозить людей? Про Ближний Восток, надеюсь, всем понятно: там нас примут, только чтобы перерезать глотку. Про атомную дубинку я не говорю. Про силовой вариант можно говорить на Украине, но он не лучше африканского. Одним словом, остаются русские.

– Какой сценарий вы видите, Генри? – спросил Забияка.

– Нужно передать информацию лично в руки Президенту России, причем так, чтобы информацию передал человек, очень близкий ему, но совершенно неофициальный. И ждать ответа. Если мы получим согласие, у нас будет точка опоры во внешней политике и козырь для влияния на внутреннюю. Мы не можем ждать – время работает против нас.

– Может быть, использовать ваши связи, Генри? – предложил Фулер.

– Не думаю, что это верно, – вместо Генри ответил Алекс. – Все передвижения и связи людей, которые хоть как-то засветились в политике, находятся под контролем спецслужб – эта информация анализируется автоматически. Даже сегодняшняя встреча отслеживается, но она имеет свое прикрытие: всех нас объединяет нечто общее, и наш приезд сюда не вызовет сильных подозрений, даже если у кого-то возникнет вопрос, зачем мы встречались. Поэтому тот контакт должен быть совершенно вне политики.

– Я согласен с Александром, – поддержал его Забияка, – контроль тотальный. Мой детективный бизнес предполагает знание работы спецслужб, чтобы лучше обходить их. У меня много головастиков работает в этой сфере. А что за прикрытие нашей встречи?

– Мясной закон, – подсказал конгрессмен О'Нил.

– Точно, – засмеялся Забияка. – Высокие стороны встретились, но ни о чем не договорились. А вице-президента Президент игнорирует нарочно по причине личной неприязни. Поэтому встреча неофициальная на неофициальной территории – в свой дом зову кого захочу!

– Похоже, все ясно, – подвел итог Джон. – Нам нужно придумать, что может быть Перл-Харбором, и найти канал передачи информации русским. Кто-нибудь хочет добавить еще что-то?

Все промолчали.

– Тогда, господа, полагаясь на ваше благоразумие, я не вижу смысла ограничивать вас в обсуждениях этой проблемы с людьми, которым вы доверяете безусловно и которые могут быть полезны для дела. А сейчас нам необходимо перекусить – у нас сегодня барбекю. Южане угощают северян. Алекс, Билл, пошли готовить еду.

Мартин Фулер напился. Вино, крепкие напитки, сочные стейки, бургеры, сыр, капустный салат, овощи на гриле – ничего лишнего. Угли быстро достигли нужной температуры, стейки готовились недолго, и вскоре все сидели за круглым столом на веранде. Стол был на восемь человек. Все пили вино. Мартин Фулер пил вино, как воду, и болтал не умолкая.

– Это Брайан научил меня пить вино, у нас дома это было не принято. Помнишь, как мы первый раз пили вино в Вашингтоне? Мы там и познакомились. Были какие-то слушания, вот я и приехал. Еще не был губернатором. Брайан повел меня в ресторан, а я смеялся и говорил, что вино – это буржуазное излишество, и не хотел его пробовать. А он сказал, что вино делают такие же фермеры, как я, с мозолями на руках, и мне некуда было деваться, и я попробовал.

– И что было дальше? – поинтересовался Забияка.

– Я попробовал три вида вина, а потом орал на весь ресторан, что я дурак, но под руководством Брайана исправлюсь.

Брайан чуть заметно улыбался рассказу Мартина.

– С тех пор я пью вино. За Брайана! Кто не пьет – враг мне.

Может быть, за столом и следовало продолжить разговор о деле, но Мартин не давал такого шанса.

– Все, что сейчас у нас на столе, дала земля. Все сделал фермер. – Мартин вдруг встре-
пенулся и с волнением спросил: – Какое мы пьем вино? Наше?

– Да, Калифорния, долина Наппа – улыбаясь, успокоил соседа Забияка.

– О, хорошо. Просто я не хотел бы напиваться по такому случаю каким-нибудь фран-
цузским или любым другим неамериканским вином. Пусть на столе будет все наше, американ-
ское. Смотрите, какие стейки, какая кукуруза – все это богатство. Я смотрю на это и задыхаюсь
от гордости – и не хочу верить, что все пойдет прахом. И кого винить, кого?! Землю, которая
все это дала нам, а теперь хочет забрать?

Вам, городским, не понять чувства, когда ранним утром встаешь и идешь, видишь, какой
кругом порядок, и как все разумно устроено на твоей ферме, и как все растет, и как земля
родит нам наш хлеб, и дети радуются, и жена смотрит на тебя с любовью, и все потом садятся
за стол, и на столе, как сейчас, еда – благодарение Богу, – выращенная твоими руками. И между
вами мир, и тепло, и любовь. И это хотят отнять у меня! Что делать, Брайан, скажи!

– Мы все сделаем, Мартин, – успокаивал друга Брайан.

– Я не верю ему, Брайан, – показал Мартин на Джона. – Я боюсь, что он предаст нас.

Он говорил так о Джоне в его доме, за его столом, не стесняясь – он был пьян. И Джон
должен был терпеть эту пьяную болтовню.

– Я не боюсь за себя – я боюсь, что мы не сможем сделать то, что задумали. Помнишь, ты
показал мне кино про старика, который поехал на газонокосилке просить прощения у брата?
И как мы напились и плакали?

Алекс взглянул на Джона.

Брайан смутился от этих слов Мартина – он не любил впускать других в свой внутренний
мир. Мартин заметил это и начал утешать друга.

– Не нужно этого стыдиться, Брайан, это святые слезы, а кто посмеется над этим, я вырву
у него сердце! – Мартин ревел, как бык. – Вот этими самыми руками! – показывал он свои
огромные ручки. – Пусть на них уже нет мозолей – чертова политика, – но сила в них еще
есть. И я буду драться что есть сил, чтобы спасти все это. Только я не знаю, кого бить, кто свои,
кто чужие. Ты мне скажешь, Брайан, кого бить и как?

– Конечно, скажу, Мартин.

– Хорошо. Да поможет нам Бог. Я никогда не боялся того, что меня назовут дураком, –
заговорил он с Забиякой, тихо и смиренно. – Я много чего не понимал из того, что легко
понимают другие, но я любил учиться. Я понимал или видел сразу то, что другие не видели
совсем: я видел, что трава хочет пить, или что лошадь чем-то расстроена, и ей не нужно сегодня
работать, а лучше отпустить ее свободно пастись на денек. Или что люди боятся сказать что-
то другому человеку и не говорят, а потом жалеют, что не сказали.

Я не боялся быть дураком. Зато какие умные люди были всегда вокруг меня! Вот Брайан –
знаешь, какой он умный, сколько всего знает? А Мэри, моя жена, – самая умная девочка в мире.
Мы познакомились еще детьми. Она думала, я переживаю, что я дурак, и утешала меня –
говорила, что я просто смотрю на вещи с другой стороны. Ты знаешь, я пробовал смотреть
с той стороны, с которой смотрят все, и я не хочу так смотреть на вещи – по-моему, это глупо
и приводит к одной только тоске. А человек не должен тосковать, он должен радоваться. Давай
еще выпьем.

– Давай, – отвечал Забияка, и все пили вместе с ними.

– Я всем верю за этим столом, только не верю Джону, – Мартин говорил только с Заби-
якой и Брайаном, но его внимательно слушали все. – Я тоже считаю, что ниггера можно звать
ниггером – если не хочешь его обидеть. Это в Вашингтоне придумали, что если не произно-

сильно какие-то слова, то людям от этого лучше. Ложь!!! – он ударил кулаком по столу. – Они выдумали свой странный язык – кур-кур-кур-кур, – а сами обижают людей, говоря правильные слова. Вот ты говоришь «ниггер», и будь я ниггер, мне бы не было обидно. А они говорят что-то правильное, но мне обидно – они хотят плохого, хотя говорят хорошее. Вот Генри сказал прямо: нужно действовать разумно, а не морально. Сказал для меня – а что, другие не будут мучиться, когда мы будем убивать людей не потому, что они враги, а потому, что нам нужна их земля, чтобы выжить? Мы уже так делали.

– Пойдем приляжем, Мартин, – предложил Брайан.

– Спасибо, Брайан, я не устал, я еще посижу с ребятами. Давайте выкурим по сигарке.

– Может, все-таки пойдешь приляжешь? – мягко настаивал Брайан.

– Не уводи его, Брайан, – вмешался в разговор Генри, – я не слышал ничего умнее за последние двадцать лет. Пусть говорит.

– Спасибо, Генри, – Мартин тряхнул головой, и за ней волной повело все его большое тело. – А как быть... с «действовать разумно»?

– Ты знаешь, Мартин, я думаю, что это из прошлого, мне только сейчас пришло в голову. Я солдат холодной войны и думаю, как четверть века назад. А ты верно поставил вопрос. И я думаю, что ты прав. Тогда у нас был ресурс для конфронтации и маневра, а сейчас нет, и нужно договариваться, всеми силами договариваться, – ответил на вопрос Генри.

– Полностью согласен, Мартин сказал верно, – вступил в разговор Финч. – «Разумно» и «морально» сейчас сливаются в одно понятие, в один образ действия, и, если не учитывать этого, результата не будет. Мы начали разговор сегодня очень разумно, и только у Мартина хватило мужества сказать то, что он сказал, а это меняет дело. И нечего стесняться того, что морально, я устал от холодной разумности. И вот что я вам скажу – я, юрист, человек протокола и формальности. У нас тут есть люди с разными компетенциями, и мы не будем оспаривать квалификацию Генри в международных делах или нашу с Брайаном – в вопросах работы с конгрессом. Но я предлагаю дать Мартину право вето на любое действие в рамках нашего проекта – на любое решение, которое он сочтет аморальным.

– Я за, – сказал свое слово Генри.

– Согласен, – поднял руку Забияка.

– Да, – хлопнул Мартина по спине Брайан.

Джон кивнул головой и улыбнулся.

– Согласен, – подвел итог Алекс.

– За Мартина, – поднял бокал Забияка.

– За Мартина, – подняли бокалы все.

Мартин не скрывал слез.

– Спасибо, ребята... И знаете, на какой вопрос я не могу себе ответить? Вот я говорил сегодня какие-то слова, и мне было трудно их произнести. Моих собственных сил не хватало, чтобы они вышли наружу, нужна была еще сила вина, чтобы выпустить их на свободу. И я не знал, как вы оцените мои слова. Вы сказали: хорошие слова. И я удивился. Когда я говорил то же самое другим людям, они смеялись, а вы нет. Вы сначала начали говорить, как все, а потом сказали: нет, мы будем говорить по-другому, как сказал Мартин, а потом пьете за меня вино – и я очень рад этому. Но когда мы были детьми, и потом, когда стали старше, мы не считали постыдным говорить так. А теперь? Почему мы не можем говорить так просто и сейчас? Что с нами случилось, почему мы боимся говорить прямо, и нужно, чтобы фермер напился и сказал правду? Что, только пьяные фермеры могут теперь говорить правду? Тогда я учреждаю партию пьяных фермеров, потому что с трезвыми мне не по пути.

Вот почему я не доверяю Джону. Все здесь как будто связаны разноцветными ниточками, все что-то любят, все теплые, и только Джон ни с кем не связан – он один. Он один, и ему плохо. И его не погладишь как собаку, которой грустно, – он Президент.

Джон спокойно держал удар – чувства не читались на его лице. Мартин же не унимался.

– Скажите мне, что будет, если информация просочится? Ведь тогда начнется хаос – все побегут спасаться и перетопчут друг друга. Как быть с этим?

– Не волнуйся, Мартин, информация никуда не просочится, – Алекс впервые подал голос за столом. – Так устроена сегодня работа СМИ: никто не посмеет ничего написать без согласования с высшим руководством. В противном случае получится только утка.

– А если твои эксперты сделают заявление в интернете? – настаивал Мартин.

– Это будет фейк – экспертам больше уже никто не верит. Большие дяди будут решать, что делать с этой информацией. Так что не волнуйся, Мартин.

– Как это грустно – мы не можем знать правду, пока этого не захочет какой-то дядя. Ладно, мне нужно погрустить. Пойду найду тихое место и немного погрущу. Спасибо, Брайан, я еще крепко стою на ногах, я сам дойду до места грусти. Это сердце мое не на месте, а ноги идут верно, только куда они идут и зачем?..

Брайан пошел провожать Мартина до «дивана грусти». Южане убрали со стола. Все опять разбегались по дому.

Генри и Финч сидели на скамейке.

– Один вопрос, Элан.

– Да, Генри.

– Зачем ты предложил такую роль для Мартина?

– Ты что, не согласен с этим? – переспросил Элан.

– Нет, согласен, мне просто интересно, чего ты хотел этим добиться?

– Как ты думаешь, Генри, кому из нас поверят простые люди, когда придет время говорить с ними? Я ответил на твой вопрос?

– Да.

– Поэтому он должен знать, что нужен. Пусть узнает это как можно раньше. Пусть набирается сил и веры в себя. Я не знаю, как еще можно было сказать ему, что он важен для дела, чтобы это поддержали остальные. Ты же понимаешь, с кем нам придется вступить в схватку? Я не сильно удивлюсь, если сейчас здесь появится группа зачистки или на ранчо упадет самолет. А завтра мир узнает о террористах, убивших Президента США. Теперь мой вопрос, Генри.

– Да, Элан.

– Как ты собираешься действовать, Генри?

– Просто и прямо, Элан. Поеду поговорю с ребятами, которые думают так же и остались не у дел. Нужно будет менять караул. Но ты же не об этом хотел спросить меня?

Оба рассмеялись.

– Надеюсь, про Мартина ты спрашивал с искренним интересом?

– Про Мартина – да. Но есть то, о чем мы не решились поговорить. Меня беспокоит одно – какая конфигурация сил будет нам противостоять.

Генри остановился. Глядя в глаза Элану, он спросил:

– Я могу доверять тебе, Элан?

– Как мой ответ поможет делу? – с улыбкой ответил Элан. – Если я сейчас скажу «да», как ты узнаешь, что я сказал правду? И как я узнаю, что ты сказал сейчас правду? Мы же профессиональные лжецы, Генри. Что за наивные вопросы...

– Это личное, Элан. Не думай, что я размяк. Просто личные симпатии. Я отдаю себе отчет в своих рисках – не хочется быть дураком по двум позициям, разумной и моральной. Если есть шанс быть им только по одной – я им попытаюсь воспользоваться. И несмотря на то, что я уже стар, я не лишен некоторого киношного позерства – могу плюнуть в рожу предателю.

Хотя, может быть, в моем случае жалость к Иуде будет вернее. Туда, – Генри поднял глаза вверх, – нужно уходить без ненависти.

– Черт возьми, – засмеялся Элан. – «Святой Мартин» со своей проповедью творит чудеса. Скажи мне кто такое вчера – я бы посчитал его умалишенным: два профессиональных лжеца как мальчишки клянутся в верности. Ты можешь доверять мне, Генри. Так что ты хотел рассказать мне, в чем ты видишь главную опасность?

– Я думаю о том, где они будут искать точку опоры. Чтобы выжить, сохранив прежнее влияние, им нужно соединить две вещи – ядерную дубинку и эмиссионный центр. Эмиссионный центр они могут разместить в Китае, объединив возможности двух валют. Если у них будет доступ к дубинке, они смогут шантажировать Китай: либо все, либо ничего. И второе место – это Европа, реэмиграция, так сказать. Судя по расчетам, она тоже сильно пострадает, но разместить там эмиссионный центр и ядерную дубинку будет даже легче, чем в Китае. В обоих случаях спасение населения – отдельная тема. Но на всем этом можно вести торг с русскими. Вопрос: примут ли они такой расклад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.